

А. В. Шотин

СПОРТИВНЫЙ РАССКАЗ Ю. В. ТРИФОНОВА КАК МАНИФЕСТАЦИЯ РАЗОЧАРОВАНИЯ В ОТПЕПЕЛИ

Резюме

Статья посвящена сборнику Ю. В. Трифонова «Игры в сумерках», вышедшем в 1970 г. в издательстве «Физкультура и спорт». Книга вбирает в себя спортивные тексты автора, написанные с 1956 по 1968 г., что превращает ее в материал для исследования хронологических изменений не столько в поэтике писателя, сколько в его убеждениях при помощи теоретического аппарата *memory studies*. Рамка спортивного рассказа постепенно расширяется Трифоновым. Начиная с ностальгического повествования о детях, которые восхищаются кумирами, писатель переходит к связке спорт — воспоминание о днях молодости. Затем автор начинает фиксировать трагические изменения в восприятии спортивной культуры массами, чтобы постепенно перейти к нарративу об исторической памяти и травме вообще. Причины этих перемен заключаются в целом ряде факторов. В начале 1960-х гг. Трифонов обращается к истории собственной семьи и судьбе отца, репрессированного в 1937 г., что выводит его к теме Большого террора. Одновременно с этим он разочаровывается в «оттепельном духе» и даже в спорте замечает «машинизацию», отход от индивидуальной фигуры спортсмена в сторону коллективности. Спортивный рассказ, жанр, имеющий не самую высокую репутацию, в данном случае оказывается удобным материалом для разработки исторической оптики, в дальнейшем влияющей и на «московские повести» автора.

Ключевые слова: советская идентичность, ностальгия, травма, хрущевская оттепель, Большой террор, *memory studies*

Alexander V. Shotin

SPORTS STORIES BY YURY TRIFONOV
AS A MANIFESTATION OF DISAPPOINTMENT
AS A RESULT OF KHRUSHCHEV'S THAW

Abstract

The article analyzes Yury Trifonov's collection of short stories *Igry v sumerkakh* (Games at Twilight), which was published in 1970 by the publishing house Fizkultura i Sport (Physical Culture and Sports). The book consists of sports stories that the author composed in the period from 1956 to 1968. During this time span Trifonov gradually expands the frame of the sports story. Starting with a nostalgic narrative about children admiring sports idols, the writer establishes a connection between sports and memories of the days of youth. Later, Trifonov begins to record the tragic changes in the perception of sports by the masses and progressively switches to a narrative about historical memory and trauma. Thus, although the sports story was not a genre of high literary standing, it emerged as a convenient form for the development of Trifonov's historical point of view, which later affected his Moscow cycle stories.

Keywords: Soviet identity, nostalgia, trauma, Khrushchev's Thaw, Great Purge, memory studies

DOI 10.31860/2712-7591-2024-3-154-163

В памяти друзей и близких Ю. В. Трифонова предстает как заядлый спортивный болельщик. Так, О. Р. Трифонова, вдова писателя, делилась воспоминанием о том, как писатель после операции по удалению почки попросил «открыть дверь палаты в холл, чтобы слышно было, как играет с кем-то „Спартак“» [Юрий Трифонов, с. 284]. Другой случай был связан с неожиданной встречей в магазине «Березка» — там Трифонов натолкнулся на футболиста Ю. В. Гаврилова, при этом испытал неподдельный «мальчишеский восторг» [Там же]. Однако писатель являлся не исключительно «наблюдателем-любителем», он был связан со спортивной культурой и профессионально — на протяжении 50–60-х гг. создавал спортивные тексты разного толка. Это были не только корреспондентские заметки в изданиях «Советский спорт», «Литературная Россия», «Физкультура и спорт», но и художественные рассказы.

В центре нашего внимания оказывается спортивный сборник «Игры в сумерках», выпущенный в издательстве «Физкультура и спорт» в 1970 г. Такой выбор обусловлен тем, что книга аккумулирует тексты Трифонова, написанные с 1956 по 1968 г., и хронологическое разнообразие позволяет нам проследить не только постепенное изменение поэтики автора, но

и смещение в восприятии и репрезентации спорта. Важно подчеркнуть, что анализируемый сборник для Трифонова не является попыткой переосмысления собственного раннего творчества с позиции «выросшего» писателя. Именно такую функцию скорее имел другой сборник автора — «Кепка с большим козырьком», — вышедший за год до «Игр в сумерках». Текстов в нем намного больше — двадцать девять, и даже по причине объема это собрание претендует на звание итога подошедшего к концу творческого периода. Однако самых популярных спортивных рассказов пятидесятых («Победитель шведов», «Конец сезона», «Далеко в горах») в «Кепке с большим козырьком» мы не обнаружим. Эти тексты, одни из наиболее частотных по вхождению в предыдущие сборники автора, вероятно, сознательно оставляются писателем на обочине как «массовые» и потому недостойные внимания. В то же время прагматика составления «Игр в сумерках» совершенно иная: Трифонову становится важен принцип пути. Соседство текстов разных годов, ранних и поздних, «массовых» и «глубоких», высекает дополнительный смысл, намекает читателю на проведение сравнения между ними, проблематизирует пропасть между реальностью середины пятидесятых и конца шестидесятых.

Писательская стратегия, которой следует Трифонов, в середине пятидесятых приступая к работе со спортивным материалом, предстает как балансирование между попытками «вписаться», желанием быть востребованным и интенцией отстранения от «Студентов» — опубликованной в 1950 г. конъюнктурной повести о разгроме космополитов, принесшей писателю мгновенный успех и даже Сталинскую премию третьей степени. «Студенты» и их двойственное положение в творчестве Трифонова — публичный успех, противоречащий внутренним ощущениям, — задали рамку дальнейшего пути автора, что Н. Б. Ивановой даже обозначается как «„комплекс“ „Студентов“» [Иванова, с. 13]. По замечанию К. Я. Ванешкина, однокурсника писателя по Литературному институту, «после шумного, бурного успеха „Студентов“ Трифонов долго не мог найти себя» [Юрий Трифонов, с. 39]. Именно в «Студентах» или, вернее, в психологии поведения Трифонова в начале 50-х гг. стоит искать причины и мотивы переворота, который случится с его поэтикой в шестидесятые. Эта повесть служит отправной точкой для долгого и многоэтапного процесса в творчестве и, шире, жизни Трифонова, который мы назовем конструированием¹ собственной писательской идентичности.

¹ Говоря о конструировании, мы подразумеваем разговор о личной памяти как материале, «из которого создаются личный опыт, взаимоотношения с другими, а главное, образ собственной идентичности» [Ассман, с. 20]. Однако важно заметить, что невозможно говорить об исключительно *одной* идентичности писателя: мы сталкиваемся с *набором* его внутренних ощущений

Основной стратегией попыток «вписаться» в пятидесятые для Трифонова становится мимикрия и стирание собственного прошлого: «...в институте Юра старался показать себя очень советским человеком» [Там же]; его высказывания на литературных семинарах были «идеологически выдержанные» [Там же]. Но главным фактом этой истории становится буквальный отказ от судьбы отца — Трифонов не указывает, что его родители были репрессированы, а правда открывается только после получения Сталинской премии. Подобный поступок существует в парадигме других «отречений» — практике сталинской эпохи, когда человек, выпадающий из государственной нормы, пытался освободиться от социального ярлыка, сохраняя тайну происхождения [Фицпатрик, с. 160]. Однако для Трифонова важно, что произошел обмен памяти об отце на деньги и известность — он «продался сталинскому режиму» [Шитов, с. 316]. Соккрытие факта о расстреле отца, указание в анкете для Союза писателей иного года его смерти [Там же, с. 317] в данном случае осмысляется не просто как попытка избежать карьерного самоубийства, а как предательство, сделка с совестью. Вычеркнуть из собственной биографии — значит уничтожить память. Сама повесть также предстает как «отредактированное» воспоминание: смерть отца Вадима Белова на фронте становится отражением «официальной» и потому лживой версии смерти В. А. Трифонова [Сундукова, с. 143].

«Сделка с совестью» пятидесятых служит фоном для работы со спортивным материалом, и часть из написанных тогда текстов войдет в «Игры в сумерках». Центральным мотивом сборника является соседство спортивного и исторического нарративов. На первый взгляд ничем не связанные, эти два пласта в трифоновском видении все же имеют точки соприкосновения. Из последних сил вырывая победу из рук соперника, спортсмен *вписывает* себя в историю, становится по-настоящему *исторической фигурой* наряду с главами государств или военными генералами — и большой политический и социальный нарратив перемещается в меньшие рамки хоккейной коробки или теннисного корта. Впрочем, данный путь следует рассматривать хронологически.

Крайнюю степень «спортивности», игнорирующей иные, побочные нарративы, проявляет в первую очередь рассказ «Победитель шведов» 1958 г. Текст строго зафиксирован внутри собственной жанровой рамки легкой любовной зарисовки, увиденной детскими глазами. Главный герой, двенадцатилетний Алешка, выступает посредником в отношениях между

и внешних репрезентаций в разные периоды, что созвучно с концепцией Й. Хелльбека [Интервью, с. 219].

хоккеистом Эдиком Дугановым и его возлюбленной, соседской девушкой. Идеализированно-счастливая картина единения ребенка со своим спортивным кумиром не проблематизируется. Детский взгляд здесь не становится острающим средством, вскрывающим исторические несправедливости и общественные изъяны, как это будет в главном рассказе сборника «Игры в сумерках», написанном десять лет спустя, — ребенок-рассказчик лишь делает повествование наивнее, позитивнее, называя, например, цвет пальто не темно-коричневым, а «цветом шоколадного мороженого» [Трифонов, с. 55]. Описываемое ребяческое «прикосновение к великой жизни мужчин» [Там же, с. 52] — настоящий момент, не подверженный ностальгии, хотя, как и любое счастливо-сладкое повествование о детстве, подразумевающий ее в читательском восприятии [Бойм, с. 133]. Ассоциативное прикосновение к великой истории также остается в поле детского восприятия: Дуганов — личность, конечно, историческая, потому что его имя вписано в зал славы, а для двенадцатилетнего мальчишки история хоккея не менее важна, чем история из школьного учебника. Даже прозвище, даруемое популярному игроку, — Великий Эдик [Трифонов, с. 52] — становится в один ряд с Петром или Карлом Великими. Интересно, что даже название текста вызывает недвусмысленные параллели с петровским мифом: конечно, здесь угадывается реминисценция из «Медного всадника» с его программным «отсель грозить мы будем шведу». Однако это обращение к истории все еще по-школьному наивно и лишь отражает перспективу мальчишки, отдающего хоккейной клюшке всего себя.

Все меняется в начале шестидесятых: задумывая роман «Исчезновение», Трифонов подробно изучает события 1937 г., погружаясь в исторические документы. Автор пытается найти точку перелома, выявить ту причину, по которой его отец, В. А. Трифонов, человек, ковавший революцию собственными руками, был арестован в ночь на 22 июня 1937 г., а позже, в марте 1938 г., расстрелян [Шитов, с. 162]. Однако в дневниках и записных книжках писатель регулярно переключается с отдельных исторических справок на выписки о результатах матчей. Так, например, вслед за последовательным перечислением событий 1937 г., связанных со Сталиным, Трифонов добавляет следующую запись из «Литературной газеты» от 19 мая: «На стадионе „Динамо“ Динамо — ЦДКА 1:4...» [Юрий Трифонов, с. 283]. Подобное, несомненно, доказывает выдвинутый нами тезис о неразделимости исторического и спортивного для Трифонова, потому как даже в личных текстах, не предназначенных для публикации, он не раз сопрягает данные нарративы, словно не делая между ними различия в значимости. Чуть даль-

ше в дневнике встречается следующая запись: «21 июня (подчеркнуто Трифоновым. — А. Ш.) Понедельник. „Блестящая победа советской авиации“» [Там же, с. 284]. Болезненный опыт вытесняется инородной записью о беспосадочном перелете Чкалова, существующей рядом с околоспортивными выписками². Трифонов опускает ключевую для собственной истории дату — день, когда отца увезли, — но подчеркивает ее, выделяя среди всех прочих. По сути, уже здесь Трифонов применяет анализируемый К. М. Ф. Платтом на материале «Дома на набережной» принцип дезавуирования. Рассматривая прием умолчания в тексте, который вращается вокруг «табуированных тем», исследователь приходит к выводу, что таким образом Трифонов лишь подчеркивает «критику советского эзопова языка», обнажает «позднесоветские механизмы публичного дискурса» [Платт]. В нашем случае молчание о том, что Трифонову и так известно, становится допустимым для советского контекста аналогом проработки травмы.

Это же отражается и на спортивных текстах: от вещей популярно-жанровых происходит постепенный переход к рефлексии над собственной идентичностью, над местом, откуда писатель вышел. Причем место здесь воспринимается буквально, ведь «История болезни», входящая в сборник заметка 1961 г., — первый текст автора, в котором он упоминает, что жил в Доме на набережной [Шитов, с. 397]. Здесь Трифонов прибегает к иной стратегии — умолчание как прием заменяется вынесением «неудобного» прошлого в публичное поле. Формально привязав воспоминание к шахматной партии между гроссмейстерами М. М. Ботвинником и М. Н. Талем, Трифонов лишь находит повод обратиться к «дому, в котором прошло мое (Трифонова. — А. Ш.) детство» [Трифонов, с. 113] и другу детства, в нем жившему, — Левке Федотову. Причину, по которой писатель желает победы Ботвиннику, он находит в симпатиях неделимого мальчишеского «мы», проявленных когда-то давно, в лучшие времена. Таль же как представитель настоящего оказывается менее привлекательным. Важно, что Трифонов осознает себя как писатель, способный выносить прошлое в публичное пространство, — и здесь нам важна формулировка «я напишу (курсив мой. — А. Ш.) о его (Федотова. — А. Ш.) храбрости...» Свое обещание Трифонов выполнит: Лев Федотов станет прообразом Антона Овчинникова в «Доме на набережной», Лени Караса в «Исчезновении», Левы Гордеева во «Времени и месте» [Шитов,

² По соседству с записью от 21 июня располагаются результаты матчей «Спартак», «Динамо» и упоминания известных пилотов.

с. 221]. *Написание* произведения сохраняет память навеки — а это действие обратное стиранию памяти об отце.

Творческий и идеологический путь Трифонова, таким образом, выстраивается как траектория принятия исторического нарратива и отказа от советского общественного договора молчания [Platt, p. 664]. Начиная со «Студентов», в которых личная память была переиначенной, совпадавшей с официальным дискурсом, и социальных практик 1950-х гг., Трифонов отстраняется от идентичности сына репрессированных родителей. Спортивные тексты этого периода существуют как еще один пример данной стратегии — отсутствие в них образов прошлого является «попыткой вписаться». Тем не менее в записных книжках и рабочих тетрадях Трифонова постепенно начинают появляться исследования материалов о прошлом. Одновременно с этим трансформируется и само восприятие текста о спорте: теперь это не столько зарисовка из жизни спортсмена, сколько сознательное «соскальзывание» в иной нарратив, включающий ретроспекцию, воспоминания. Этот путь возвращает писателя в идентичность «сына врага народа» и одновременно позволяет существовать внутри советской машины, не предавая память. Так спортивный текст становится относительно безопасным плацдармом для артикуляции и проработки травмы.

В то же время не стоит забывать о тесной связи между спортом и историей. Сдвиг в трифоновской поэтике оказывается продиктованным не только его исследованием истории семьи, но и трансформацией восприятия спортивной культуры в советском обществе. Концепция, предложенная П. Л. Вайлем и А. А. Генисом в книге «60-е. Мир советского человека», выстраивается как переход от «спорта личностей» [Вайль, Генис, с. 210] к спорту профессиональному. Герой раннего трифоновского текста — целостный и гармоничный, имеющий яркий индивидуальный характер, часть «новой формации спортивных кумиров» [Там же, с. 208], в то время как сам спорт — «нравственная коллизия — нечто, не подлежащее проверке алгеброй» [Там же, с. 210]. Однако гармония не вечна. Переход, случившийся в середине шестидесятых, выразился в потере «эстетики и этики спорта» [Там же, с. 212], обменной на стремление к победе. Личность заменила команда, множество. Первостепенность квалификации, а не вдохновенности ведет к крушению жанра спортивного рассказа — оказывается невозможно писать о *человеке*. Это объясняет открытость спортивного текста Трифонова иным нарративам и возникновение пессимистичности: то, что осталось от прежнего счастливого отношения к спорту, выродилось и опошлилось, превратилось в обыденность — и тексты, входящие в «Игры в сумерках», лишь констатируют смерть.

В первую очередь, это две статьи, написанные автором в западноевропейских командировках: «Три акта драмы» и «Травничек и хоккей». «Три акта драмы» не является текстом о результате матча — у Трифонова таких, по сути, нет, это попытка отстоять знакомый спорт индивидуальностей, спасти его от «самого страшного, что угрожает футболу, — механизации» [Трифонов, с. 50]. Трифонов фиксирует перелом эпох, всеми силами стараясь удержать восприятие футбола как набора «замечательных индивидуальностей со своими страстями, ошибками, триумфами и трагедиями» [Там же, с. 51]. Текст становится попыткой предотвратить неизбежное, спасти пропадающий оттепельный дух — и тем любопытнее, что в сборнике сразу после «Трех актов драмы» писатель располагает «Победителя шведов», самый оптимистичный и «героичный» текст из входящих в него. Подобная позиция лишь сильнее фиксирует пропасть между текстами 1966–1968 гг. и серединой 50-х гг., акцентируя внимание на потерянных спортивных идеалах. В «Травничке и хоккее» Трифонов превращается в пессимистичного и злого повествователя, фиксирующего распад и разрушение. Писатель продолжает развивать «машинные» метафоры, превращая этот образ в центральный. Изображение сборной СССР как «„катка“, „дробильной машины“, „парового пресса“» [Там же, с. 24] — предвестника «красной машины» — не устраивает Трифонова, потому что оно уничтожает сам спортивный дух. Спорт выцвел, трансформировался из возможности войти в историю для ярких кумиров-индивидуальностей в механизм, перемалывающий все на своем пути. Трифонов пытается противостоять гегемонии, сохранить личность среди поглощающего ее огромного нарратива — и проигрывает. Спортивный рассказ умирает, нарратив о спортивном поражении становится повествованием о поражении историческом. Забвение, неумение учиться на ошибках прошлого, политическое «похолодание» влекут за собой уничтожение идеалов оттепели, которым автор следовал в 50-е гг.

«Игры в сумерках», таким образом, являются сборником, сформировавшим не только поэтику, но и убеждения того Трифонова, который сейчас известен шире всего, — разочарованный интеллигент, с сожалением косящийся на прошлое. Те исторические сумерки, в которых оказывается читатель, сконструированы не только и не столько самим автором, сколько эпохой, сначала давшей надежду на изменения, а после жестко отнявшей ее. И «Игры в сумерках» — окончание этой «гигантской всеобщей и, в общем, довольно скучной игры» [Юрий Трифонов, с. 249], именованной советской жизнью, выведение на табло неутешительного счета: ни овертайма, ни надежды на победу.

Литература

- Ассман — *Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: НЛО, 2014. 328 с.
- Бойм — *Бойм С. Будущее ностальгии*. М.: НЛО, 2019. 680 с.
- Вайль, Генис — *Вайль П. Л., Генис А. А. 60-е: Мир советского человека*. М.: НЛО, 1998. 368 с.
- Иванова — *Иванова Н. Б. Проза Юрия Трифонова*. М.: Советский писатель, 1984. 296 с.
- Интервью — Интервью с Игалом Халфиним и Йоханном Хелльбеком // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 217–260.
- Платт — *Платт К. М. Ф. «Дом на набережной» Ю. В. Трифонова и позднесоветская память о сталинском политическом насилии: дезавуирование и социальная дисциплина* // НЛО. 2019. № 1. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/155_nlo_1_2019/article/20649/ (дата обращения — 26 октября 2023 г.).
- Сундукова — *Сундукова К. А. Память как поэтологический принцип в искусстве романа: на материале творчества Г. И. Газданова, В. В. Набокова, Ю. В. Трифонова: Дис. ... канд. филол. наук*. Самара, 2018. 217 с.
- Трифонов — *Трифонов Ю. В. Игры в сумерках*. М.: Физкультура и спорт, 1970. 168 с.
- Фицпатрик — *Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: город*. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Бориса Ельцина, 2008. 336 с.
- Шитов — *Шитов А. П. Время Юрия Трифонова: человек в истории и история в человеке (1925–1981)*. М.: Новый хронограф, 2011. 928 с.
- Юрий Трифонов — *Юрий Трифонов: Отблеск личности / Сост. Н. Г. Катаева*. М.: Галерея, 2015. 464 с.
- Platt — *Platt K. M. F. Secret Speech: Wounding, Disavowal, and Social Belonging in the USSR* // *Critical Inquiry*. 2016. Т. 42, № 3. С. 647–676.

References

- Assmann, A. (2014). *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kultura i istoricheskaya politika*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 328 p. [Assmann, A. (2016). *Shadows of Trauma: Memory and the Politics of Postwar Identity*. New York: Fordham University Press, 312 p.]
- Boim, S. (2019). *Budushchee nostalg'gii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 680 p. [Boym, S. (2001). *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books, 404 p.]
- Fitzpatrick, Sh. (2008). *Povsednevnyi stalinizm: Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; Fond Pervogo Prezidenta Rossii Borisa El'tsina, 336 p. [Fitzpatrick, Sh. (1999). *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. New York: Oxford University Press, 288 p.]
- 'Interv'yu s Igalom Khalfinym i Iokhannom Khell'bekom' [Interviews with Igal Halfin and Jochen Hellbeck] (2003), *Ab Imperio*, 3, 217–260.
- Ivanova, N. B. (1984). *Proza Yuriya Trifonova*. Moscow: Sovetskii pisatel', 296 p.
- Kataeva, N. G., ed. (2015). *Yury Trifonov. Otblek lichnosti*. Moscow: Galereya, 464 p.
- Platt, K. M. F. (2019). '«Dom na naberezhnoi» Yu. V. Trifonova i pozdnesovetskaya pamyat' o stalinskom politicheskom nasilii: dezavuirovanie i sotsial'naya distsiplina' [Yuri

- Trifonov's *The House on the Embankment* and Late Soviet Memory of Stalinist Violence: Disavowal and Social Discipline], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1, accessed October 26, 2023, https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/155_nlo_1_2019/article/20649/.
- Shitov, A. P. (2011). *Vremya Yuriya Trifonova: chelovek v istorii i istoria v cheloveke (1925–1987)*. Moscow: Novyi khronograf, 928 p.
- Sundukova, K. A. (2018). *Pamyat' kak poetologicheskii printsip v iskusstve romana: na materiale tvorchestva G. I. Gazdanova, V. V. Nabokova, Yu. V. Trifonova*. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Samara, 217 p.
- Trifonov, Yu. V. (1970). *Igry v sumerkakh*. Moscow: Fizkul'tura i sport, 168 p.
- Veil, P. L., Genis, A. A. (1998). *60-e. Mir sovetskogo cheloveka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 368 p.